

Серия «ВОЙНА МИРОВ»
премии-медали им. Герберта Уэллса
и конвент «РосКон»
представляют автора

Борис Алексеев

Тайная парадигма времени

Война Миров

Борис Алексеев

Тайная парадигма времени

«ИП Березина Г.Н.»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

Алексеев Б. А.

Тайная парадигма времени / Б. А. Алексеев — «ИП Березина Г.Н.», 2020 — (Война Миров)

ISBN 978-5-907306-81-3

Новая книга Бориса Алексеева необычна во многих отношениях. Во-первых, потому, что привычный неторопливый стиль авторского письма вдруг уступил место остросюжетной смене повествовательных образов и декораций. Во-вторых, главный тезис большинства литературных сочинений автора – Друзья, ищите смысл жизни! – предстал на страницах книги в неожиданном качестве – как мораторий на право человека совершать зло. Фантастические повести и рассказы, включённые в книгу, – это не только тексты для чтения. Они зримы! Как музыка Петра Ильича Чайковского, волшебные строки «Тихого Дона» Михаила Шолохова, фантастика Бориса Алексеева – увлекательный видеоряд. И читателю остаётся лишь поудобней расположиться в кресле, включить торшер и взять в руки книгу!.. С уважением к доброму читателю, искренне ваш Издатель книги.

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907306-81-3

© Алексеев Б. А., 2020
© ИП Березина Г.Н., 2020

Содержание

Планета-надежда	7
Вступление. Пакость фатального характера	8
Часть 1. Соприкосновение	10
Часть 2. Рождённый от крови	13
Часть 3. Рэм!	15
Часть 4. Первый монолог оружия	18
Часть 5. Шаман	19
Часть 6. Гибель Рэма	20
Часть 7. Ещё одна ошибка и...	22
Часть 8. Покаяние	23
Часть 9. Рэм умер, да здравствует Рэм!	25
Часть 10. Надежда подлежит восстановлению	27
Часть 11. Охота	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Борис Алексеевич Алексеев

Тайная парадигма времени

Сборник

*Москвич. Профессиональный иконописец и литератор.
Член Московского Союза художников.
Имеет два ордена Русской православной церкви.
Член Союза писателей России
(Московская городская организация).
Пишет стихи и прозу.
Лауреат Премии Гиляровского и серебряный лауреат Международной литературной премии
«Золотое перо Руси – 2016».
Финалист национальной литературной премии
«Писатель года – 2017».
Дипломант литературной премии Союза писателей России
«Серебряный крест – 2018»,
литературного конкурса Союза писателей России
«Лучшая книга года» (2016–2018).
Награждён медалью И. А. Бунина
«За верность отечественной литературе»
(Союз писателей России, декабрь 2019 г.).*

Живёт и работает в Москве.

Планета-надежда

Вступление. Пакость фатального характера

– Вот что, уважаемая комиссия. – Ромул о чём-то задумался и, казалось, потерял нить разговора.

Перед комиссией стоял широкоплечий двухметровый силач, настоящий герой-астронавт из детской книжки о межпланетных путешествиях. И если бы за столом сидели не члены комиссии по расследованию очередной космической катастрофы, а художники, они любовались бы его спокойными статными формами и видели перед собой не потенциального виновника случившейся оказии, а человека, побывавшего в гостях у Самого Бога.

Астронавт продолжил:

– На Земле человек стал таким беспечным всезнайкой. Ничем-то его не удивишь. Космос – другое дело! В космосе чем больше ты знаешь, тем глубже твоя граница с незнанием. Космическая Одиссея возвращает нам способность удивляться!..

– Ромул, оставьте эмоции. Комиссию интересует только ваша техническая версия случившегося.

– Техническая? Пожалуйста. В считанные секунды непредвиденное обстоятельство превратило нашу Планетарную миссию в жалкую примитивную катастрофу.

Я понимаю, вас интересует человеческий фактор. Искать причину аварии в действиях стрелочника – неистребимая особенность нашего врождённого раболепства! Однако смею утверждать и настаиваю: случившееся с нами – обыкновенная пакость фатального характера. И только.

Вечером того же дня.

– Ромул, здорово ты этих комитетчиков припечатал! Они уже и Верховному список составили. Вали на мёртвых, им что!

– Слушай, Рэм, найди мне толкового скульптора. Я обещался поставить памятник ребятам. Если Комитет не прочухается, поставлю сам.

– Почему ты сказал «Рэм»? Я Кларк...

* * *

...Рабочая капсула отделилась от орбитальной станции и в штатном режиме вошла в плотный атмосферный слой крохотной планеты Урии¹.

Когда до расчётного квадрата посадки оставалось меньше полутора тысяч метров, на поверхности планеты началось мощнейшее извержение вулкана с выбросом радиоактивного пепла. Все приборы капсулы мгновенно зашкалили. Защита, блокированная контуром «i-ri» и не рассчитанная на бомбардировку быстрыми нейтронами, которых практически нет в открытом космосе, не сработала. В результате вместо мягкого и контролируемого «приземления» капсула воткнулась «лоб в лоб» в гранитный выступ скальной гряды. Сотрясение было настолько велико, что все четыре мои товарища, находящиеся в переднем обзорном отсеке, погибли мгновенно. Меня же спасло то обстоятельство, что за минуту до удара я отлучился в «Отсек биологических процедур», находящийся в хвосте капсулы (проще говоря, в сортир). Богу было угодно, чтобы деформация корпуса остановилась в нескольких перегородках от того места, где я, собственно, и «принимал» процедуру. По этой «нелепой» случайности мне удалось обменять смерть на пару отменных шишек на голове и лёгкую контузию в области таза.

¹ Урия – древнееврейское имя «Бог – мой свет» (для особо любознательных: Урия – представительница периферийной планетарной системы ближайшей к нам звезды класса Солнца HD 69830, расположенной в созвездии Кормы).

Оглушённый ударом, шатаясь, как пьяный, от сотрясения и испарений какой-то разлившейся гадости, я прошёл в головной отсек, вернее в то, что от него осталось, и по трупам товарищей стал пробираться к выходу. Вдруг моя голова буквально раскололась от острой проникающей боли. Казалось, огромный молот недюжинным ударом расплющил содержимое обоих полушарий. От страшного потрясения, будто ветром, меня отбросило в сторону, я повалился на застрявшую в падении перегородку и потерял сознание.

Через неопределённое время я очнулся и тупо поглядел в иллюминатор. Активная фаза извержения закончилась, и вместо огненных языков лавы по склонам перекачивались огромные комья фиолетовых сгустков пепла.

Пепельные формы, похожие на гигантские шары, «весело» выпрыгивали из вулканического сопла и катились по подстывшей дымящейся лаве, подпрыгивая и сталкиваясь в воздухе друг с другом. Это фиолетовое «веселье» казалось мне похожим на некое снежное шоу, показанное лет пять назад по программе «Historical news». О Господи, как же болит голова! Помнится, называлась передача «Культурные и исторические особенности начала XXI века». Там ещё клоун был супер – Полудин. Нет, кажется, Полунин, да-да, Полунин, точно...

Я заставлял себя перебирать в уме, вернее в том, что от него осталось, любую неподходящую к теме катастрофы информацию, стараясь оттянуть ум в сторону от случившегося. Подобным действием (так прописано в курсе «Психология астронавтики») мы как бы огрызаемся на беспардонный натиск губительных обстоятельств и выгадываем время для выработки спасительного решения.

У выходного шлюза мне почудился странный антропологический гул. «Что за чушь?» – подумал я. Гул нарастал. Подтянувшись на руках, я заглянул в иллюминатор, расположенный в противоположном торце шлюза. Ого! Повреждённую капсулу окружала толпа воинственных живых существ, внешне схожих с нашими доисторическими предками.

Должен признаться, несмотря на драматичность момента, зрелище совершенно захватило меня! У подножия искорёженного сверхметалла неистовствовала, потрясая каменными орудиями труда, и металась из стороны в сторону ожившая иллюстрация из книги о раннем периоде развития человечества.

В голове моей всё перемешалось. Ужасный вид мёртвых астронавтов в разорванных скафандрах, живые комиксы дикарей за окном, разбитая в хлам аппаратура – всё переплелось в липкий причудливый ком визуальной грязи. Я обхватил руками голову и сжал ладонями виски, стараясь удержать в равновесии рассудок, накренившийся как крыша соломенного домика под тяжестью мартовского снега.

Часть 1. Соприкосновение

Токсичность воздуха в капсуле увеличивалась с каждой минутой. Аварийный запас баллонов с кислородом оказался уничтожен столкновением, поэтому оставаться далее взаперти не имело никакого смысла. Я собрался с духом и ослабил гидравлику выходного шлюза.

Центральный бортовой компьютер, сохранивший (это невероятно!) работоспособность после аварии, объявил по селектору состав урийской атмосферы и добавил, что первичный анализ допускает контакт с бионикой среды без поддерживающих систем дыхания и температурной регуляции. «И то слава Богу, – подумал я, – судя по всему, мне здесь явно придётся задержаться».

Шлюз медленно наполнился воздухом Урии. Воздух был абсолютно прозрачен, но имел лёгкий фиолетовый оттенок. Я осторожно вдохнул его фиолетовую струйку, и тут же по всему моему телу разлилось сладостное ощущение покоя и бессодержательного веселья. «Ох, не к добру!» – подумал я, пряча улыбку.

Последние аварийные «челюсти» шлюза распахнулись, и механический трап медленно пополз к поверхности планеты.

«Ты гляди, мы ещё что-то можем!» – воскликнул я, с каждой минутой всё больше пьянея от испарений фиолетового урийского «самогона».

Я собрался с силами и прихрамывая вышел из капсулы на верхнюю площадку трапа. На моё появление в створе выходного люка толпа, окружившая капсулу, отреагировала мёртвой тишиной. Не менее тысячи аборигенов со смешанным чувством любопытства и страха пожирали меня глазами из-под косматых смоляных бровей...

А теперь представьте моё положение: за спиной – трупы мёртвых товарищей, впереди – дикая, непредсказуемая масса коренного населения планеты. И я, оглушённый случившимся, в состоянии аффекта должен приступить к историческому диалогу двух цивилизаций!

Первым делом я, как того требует базовая инструкция астронавта, развёл руки в стороны, подавая туземцам знак о своём миролюбии. По толпе прокатился одобрителный гул. Ага, значит, поняли! Не опуская рук, я начал спускаться по трапу вниз.

При каждом шаге, выбрасывая одну ногу вперёд, я испытывал дикую боль, пружиня на травмированной опорной ноге. А так как обе ноги были перебиты практически в равной степени, каждый шаг давался мне с невероятным страданием и страхом перед неминуемым позорным падением «в объятия» коренного населения планеты.

Не имея возможности руками опереться о перила, я буквально «вонзал» ногу в нижнюю ступень трапа, будто вбивал гвоздь. Балансируя всем телом на прямой коленке, мне удавалось сделать короткую передышку. За эти несколько драгоценных секунд я старался прийти в себя от очередного болевого шока, подтянуть освободившуюся от опоры ногу, выбросить её вперёд и сделать следующий шаг.

Каждое моё неловкое движение толпа сопровождала гулким «У-ух» и чуть более сторонилась капсулы. Я в очередной раз перенёс центр тяжести и с последней ступени ступил на каменистую поверхность планеты Урия.

Кровь ударила в виски – свершилось ещё одно грандиозное событие в познании Вселенной. Однако печальные обстоятельства за моей спиной не располагали к фундаментальной радости, скорее наоборот. Я вспомнил слова святого старца Пафнутия: «Трезвей, трезвей, душа моя!» – и усилием воли вернул себе утерянное внимание к происходящему.

«Что они со мной сделают, когда перестанут бояться? Съедят, наверное», – подумал я, продолжая вдыхать упоительную местную аромю. И если ум лихорадочно выстукивал алгоритм ориентации «да – нет», то круговая мышца рта, следуя «рекомендациям» моего правого эмо-

ционального полушария, продолжала глупо улыбаться в ответ на хмурые выражения лиц урийских антропосов.

От толпы отделились четыре высокорослых существа, очевидно мужского пола, и мелкими пружинистыми шажками направились ко мне. Так кошка, повинаясь инстинкту охотницы и одновременно инстинкту самосохранения, подкрадывается к опасной добыче, которая может расправиться с ней самой.

«Парламентарии» остановились метрах в пяти от трапа.

Поразительно! Все четыре дикаря внешне были абсолютно похожи друг на друга. Вы смехнётесь: дикари схожи по определению. Согласен, европейцу подметить различия двух китайцев – большая проблема! Но тут было иное. Передо мной стояли настолько одинаковые экземпляры, что закрадывалась мысль... об их последовательном клонировании. Забегая вперёд, скажу: именно так и оказалось.

Один из подошедших обернулся к стае и поднял вверх руку. Дикари одобрительно закивали головами и опустили на колени. Я понял: передо мной вождь и свита. Продолжая указывать в небо, вождь вытянул другую руку в мою сторону. Он что-то предлагал мне, и я обязан был ему ответить. Но что? Есть правило: когда не знаешь, как поступить, повтори уже известное. И я, копируя движения дикаря, так же поднял правую руку вверх, а левой указал на него. Вождь, не опуская рук, направился ко мне. Я зашагал ему навстречу. Через пару мгновений наши пальцы коснулись друг друга. Как только это символическое касание произошло, толпа поднялась с колен и огласила окрестные горы рёвом ликования.

Я понял сакральный смысл происходящего. Сверкающий серебристый скафандр со множеством причудливых прибаамбасов роднил меня в сознании дикарей с божественным пришельцем, ожидание которого всегда присутствует в разумной материи, независимо от уровня её эволюционного развития.

Получив «благодать» методом «касания к божеству», вождь отправился раздавать её соплеменникам.

Двойники (их он коснулся в первую очередь) тоже направились в народ, торжественно вознося правую руку вверх как символ небесного соприсутствия.

Восторженная церемония дикарей напомнила мне земное отечество, детство и воскресную службу в храме. Я стою перед алтарём, как маленький грибок, выросший между огромными, как рослые подосиновики, родителями. Вокруг светятся счастливые лица прихожан, отходящих от Чаши с Причастием...

Благостные воспоминания прервала коварная мысль-негодница: не надумают ли дикари меня самого превратить в некое «причастие»?

Мысль о том, что я могу рассыпаться (вернее, разрезаться) на «благодатные» кусочки, равно как и просто быть съеденным без гарнира, вернула мне чувство опасности. Не зря же твердили нам все пять лет обучения в университете астронавтики: «Чувство опасности – ваша нить Ариадны в космической Одиссее!»

Дикари по очереди выходили из толпы и складывали передо мной подношения. Вскоре выросла целая гора разнообразных предметов от каменного острия стрелы до мохнатого скальпа какого-то животного. Торжественный вид собравшихся недвусмысленно говорил, что появление капсулы они расценивают как чудо и вождь объявляет по этому случаю великий праздник. Действительно, мимика туземцев была полна предвкушения праздничного веселья.

Вдруг огромная чёрная птица, похожая на древнего ящера-птеродактиля, сорвалась с верхушки скалы и, как невероятных размеров охотник-сокол, камнем упала в толпу дикарей. Она вонзила острые когти в одного из них и попыталась взлететь, но со всех сторон десятки рук ухватили птицу за взъерошенное оперение. Силы были явно не равны. Орудую клювом, птица-ящер стряхивала нападавших одного за другим. Но действия дикарей на некоторое время

задержали расправу над беднягой, сомкнутым в железных когтях рептилии. И это позволило совершиться невероятному!..

Несмотря на ужасную боль и распятое состояние, несчастный пленник изловчился и достал из болтавшейся за его спиной плетёной сумы какой-то острый предмет. Этим предметом (видимо, заточенным камнем) он рассёк руку от плеча до ладони. Кровь брызнула из раны. И тут я оказался свидетелем настоящего чуда. Чуда по всем земным и неземным планетарным меркам!

Случилось вот что. Брызнувшая иссиня-фиолетовая кровь на моих глазах стала образовывать некую странную форму. Форма росла и в конце концов превратилась... точно в такого же дикаря, что был захвачен птицей. Единственное отличие от «первообраза» состояло в отсутствии набедренной перевязи у новоявленного клона. Как только трансформация крови завершилась, нападавшие дикари отпустили птицу. Рептилия, взмахнув огромными крыльями, грузно поднялась в воздух и понесла прочь свою добычу. А собратья, обступив новорождённого двойника, гладили его плечи, руки и указывали на меня, сообщая языковым клёкотом новому члену стаи какую-то вводную информацию.

Я был совершенно потрясён случившимся. Да, мы научились клонировать биоорганизмы любой сложности, в том числе человека, но это – прежде всего технология! А чтобы вот так запросто из секреции крови создать полное подобие с помощью обыкновенного камня? И кто – дикий, полуживотный антропос!..

Часть 2. Рождённый от крови

Над горизонтом клубились ранние фиолетовые сумерки. Рыжее, будто ржавое, урийское «солнце» медленно садилось за остроконечные выступы гор. Сочетание тёплого оранжевого «солнечного» света и холодного фиолетового отлива атмосферы подкрашивало «ландшафтный дизайн» необычайно живописными рефлексами и светотенями. Я даже на некоторое время забыл о происходящем вокруг и залюбовался вибрацией цвета, которая все окружающие предметы превращала в источники красоты.

«Мои товарищи! – как молния сверкнула горькая мысль. – Четыре мёртвых товарища в разрушенной капсуле!..» Я поспешил к трапу.

У трапа ко мне подошла всё та же четвёрка. Один из них встал передо мной на колени и протянул руку. На ладони я увидел небольшой камень с острым как лезвие бритвы краем и глиняную чашечку, наполненную до краёв густой фиолетовой жидкостью.

Опять загадка! Он мне что-то предлагал, но что? Я оказался в цейтноте и от напряжения непроизвольно нахмурил брови. Дикарь воспринял мой «рассерженный» вид как проявление «божественного неудовольствия». Он повернулся и махнул кому-то рукой. Тут же рослый волосатый туземец оказался перед ним на коленях.

Вождь поднял тяжёлую руку верзилы и камнем рассёк её от запястья до локтя. Из раны брызнула фиолетовая кровь. Тотчас упавшие на камни сгустки крови стали непроизвольно соединяться друг с другом, образуя какую-то осмысленную форму. Форма стремительно росла и превратилась в конце концов... в копию верзилы! Мне с трудом хватило сил сохранить своё «божественное» достоинство и не рухнуть в обморок к ногам дикарей.

Сгибаясь до «земли», подбежали несколько членов стаи. Они обхватили материализовавшегося верзилу-клона и, согнув его буквально пополам, поволокли в сторону. Вождь ещё раз протянул мне чашу, предварительно пригубив из неё глоток. Я понял: мне также предлагается выпить чудодейственное фиолетовое содержимое. Я согласился, взял из рук вождя чашу и отпил глоток фиолетовой влаги. Безвкусное инертное вещество тихо и безболезненно разбежалось по моему организму. По прошествии минуты я почувствовал прилив сил и необычное жжение в области груди. Вождь протянул мне камень. При виде камня я почувствовал непреодолимое желание рассечь руку. Рука ныла, чесалась и всячески обращала на себя внимание. Я взял камень с ладони вождя, закатал по локоть гофру скафандра и рассёк руку. Из раны брызнула красно-фиолетовая кровяная струйка.

Ещё в воздухе, прежде чем коснуться каменистой насыпи, кровь стала образовывать форму, всё более и более напомиравшую человека. Секунд через десять на ступени трапа стоял совершенно голый мой абсолютный двойник и широко открытыми глазами оглядывал происходящее. Наконец он увидел меня, и его взгляд застыл неподвижно. Я смотрел на него, как в зеркало, и горячие слёзы готовы были брызнуть из моих глаз. К нам опять подбежали несколько дикарей и прикрыли моего двойника куском роскошной власяницы.

О, зрелище! Два совершенно одинаковых человека – один в межпланетном гидравлическом скафандре, другой с перекинутой через плечо власяницей – стоят и смотрят друг другу в глаза. Один – с изумлением и страхом, другой – с радостью и надеждой...

Вождь издал гортанный крик, похожий на крик земной чайки: «Ыа». Что означал этот крик, я понял потому, что послушное племя попятилось назад и стало расходиться. У трапа остались: я, мой брат-близнец (как по-другому скажешь?) и четверо вождей, похожих друг на друга как четыре капли воды. Я пригласил вождей в капсулу. Они поднялись по трапу и вошли вслед за мной в рабочий отсек, где лежали исковерканные тела моих несчастных товарищей. Я внимательно следил за мимикой дикарей в надежде, что их реакция на увиденное подскажет мне дальнейшие действия. Они же в свою очередь решили, что я одержал победу в схватке с

другими божествами, и с ещё большим трепетом глядели на меня, ожидая царственных распоряжений.

Я жестом указал на мёртвых астронавтов и опустил руку указательным пальцем вниз. Вожди оказались вполне сообразительными собеседниками. Они поклонились и один за другим спустились по трапу.

...Я вглядывался в мёртвые лица друзей, и меня охватывал ужас от невосполнимости свершившейся потери.

Сердце ныло от боли и стыда за то, что Высшие силы избрали из нас пятерых именно меня для продолжения жизни. Чем я оказался лучше их? Вот лежит Орланд, командир нашего экипажа, заслуженный астронавт, умница. Скольких ребят он спас, рискуя жизнью!

А вот «пристроился» рядышком со вдавленной в грудь осевой балкой аварийной гидравлики Стёпка, биолог, гений нанокOMBинаторики и знаток всех анекдотов от Сотворения мира...

От переживаний сердца я, по-видимому, впал в сегментный анабиоз и совершенно потерял ощущение времени. Привёл меня в чувство... мой кровный брат. Он подошёл и обнял меня за плечи.

– Ты жив, и это главное, – тихо сказал он, прижимаясь щекой к плечевой гофре скаффандра.

Это были первые слова, сказанные братом с момента его «рождения». Я очнулся и посмотрел ему в глаза:

– Ты говоришь как я?

– А как я должен говорить? Я многого не знаю, но ведь ты расскажешь мне? Скажи, кто они? – Брат указал рукой на погибших астронавтов.

Я кратко ответил ему. Затем, открыв дверцу отсека допоборудования, достал бельё и предложил одеться. Наблюдая за его движениями, я заметил, что одевался он так, будто совершал эту процедуру многократно. Я невольно улыбнулся и тут же осёк себя. Радость в окружении мёртвых товарищей была неуместна.

Послышались призывные голоса дикарей.

– Они зовут нас. Всё готово.

Мои брови опять поползли вверх.

– Ты понимаешь их язык?

– Конечно, я один из них.

– Но...

– Да, представь себе!

Брат улыбнулся и направился к шлюзу. Мне ничего не оставалось, как последовать за ним.

Часть 3. Рэм!

С верхней площадки трапа я увидел, что дикари уже вырыли небольшую аккуратную яму невдалеке от капсулы. Возле ямы была навалена горка «земли». Её необычный цвет поразил меня и даже отвлек внимание от ритуала предстоящего погребения. С минуту я разглядывал лазурно-фиолетовые каменистые образования.

– Они спрашивают, что им делать дальше, – шепнул на ухо брат, возвращая меня к происходящему.

– Ответь им, пусть помогут здесь.

Брат махнул дикарям рукой, приглашая подойти к капсуле.

Мы аккуратно выпутывали мёртвые тела астронавтов из всклокоченной аппаратурной дыбы и спускали по трапу вниз. Дикари принимали тела и несли к яме. Когда всех четверых героев перенесли к последнему пристанищу, я попросил брата перевести мои прощальные слова:

– Прощайте, Орланд, Геометр, Степан и Полладий. Пусть фиолетовый мрак Урии станет вашим вечным космическим домом. Клянусь, если мне удастся вернуться на Землю, я расскажу о вашем подвиге. И люди поставят в вашу память обелиск Славы...

Брат, насколько хватало сообразительности, переводил, вернее, толковал мою речь. Я видел, как он страдает от непонимания большинства сказанных мною слов. Тем не менее его голос взволнованно вторил моим словам, а четвёрка дикарей одобрительно кивала головами.

Мы бережно опустили тела на дно ямы. Дикари принялись деревянными скребками забрасывать посверкивающие в сполохах закатного неба серебристые скафандры астронавтов. Вскоре ямы не стало. Я попросил принести валявшиеся неподалёку сухие ветви старого упавшего от ветра дерева и сделал из двух наиболее толстых ветвей крест. Установив крест в рыхлую «землю» каменистого фиолета, я тихо произнёс: «Пусть Урия будет вам пухом, друзья. Простите меня, окаянного, что остался жив и не погиб вместе с вами. Бог для чего-то разделил нас. Прощайте».

– Могут ли они идти в деревню? Уже поздно, – обратился ко мне брат.

– Поблагодари их, и пусть уходят, – ответил я.

Дикари ушли, а мы вернулись на капсулу. Следовало первый раз за долгий урийский день хоть чем-нибудь перекусить. Я достал провиант, разлил в две пластиковые чарки красное сухое вино и протянул одну из них брату. Его лицо изобразило беспокойную гримасу непонимания.

– Пей, это можно, – улыбнулся я и отпил первым.

Мы начали трапезу. Мой молчаливый собеседник с удивлением разглядывал тубики с разнообразными яствами. Заморская еда с каждой новой тубой ему нравилась всё больше, и он за вечер отменно опустошил драгоценные запасы экспедиции.

– Э-э, да тебя не прокормишь! – улыбнулся я, приходя в лёгкое расположение духа после трёх-четырёх выпитых чарок.

– Слушай, брат! – Мне захотелось придать словам оттенок торжественности. – Моё имя Ромул. А тебя я назову... Рэм! Ты только представь: Ромул и Рэм, основатели Рима! Рим? Э-э, потом, про Рим я тебе расскажу потом, это долго. Ты согласен?

– Согласен, конечно, согласен, – задумчиво растягивая слова, произнёс Рэм (он пил наравне со мной, причём первый раз в жизни!), – а скажи, брат, в твоём племени все имеют такие красивые сверкающие одежды, как ты и твои погибшие друзья?

– Идём! – Я взял Рэма за руку и вывел на верхнюю площадку трапа. Огромные лиловые звёзды царствовали в чёрном фиолете неба. – Где-то там, за большими звёздами, есть звезда с названием Солнце. Вокруг Солнца вращается множество планет. Они, как комарики на болоте, кружат вокруг нашей светоносной альма-матер. Среди них есть и моя планета...

– Что значат твои слова «комарики на болоте»?

Пересказывая Рэму историю Земли, я невольно анализировал его реакцию. Оказалось, что фундаментальные знания он воспринимал легко, и мне не приходилось пускаться в бессмысленные и дотошные разъяснения. Но тонкости земной жизни, которые я извлекал скорее из глубины своего житейского подсознания, вызывали у Рэма вопросы, на которые он сразу же стремился получить ответ. Вот и сейчас. Фундаментальное понятие «альма-матер» не вызвало у Рэма особых возражений, а вот «комарики на болоте»!..

– Вы прилетели на Урию. Зачем?

– Понимаешь, Рэм, смысл разума, если можно так выразиться, в непрерывном движении вперёд. Разум идёт по следам Бога. Он и привёл нас сюда.

– Кто привёл? Бог?

– Да нет, я же тебе объясняю: ра-зум, покоритель Вселенной! Вселенная, понимаешь?

– Вселенная... – мечтательно повторил Рэм. – А как ты думаешь, почему Бог не подарил вам Вселенную? Почему вы должны её завоёвывать, жертвуя, как ты говоришь, жизнями лучших из людей?

– Странный вопрос! Бог подарил нам разум. А разум – это ключ, который помогает открыть сундучок с тайнами мироздания. Понимаешь?

– Нет, не понимаю. Но слышу, как твоя память произносит имя Пандора. Кто это?

– Ты слышишь мысли?!

– Ну да, это просто. И мои братья слышат мысли друг друга, поэтому наша речь так неразвита. Они слышат и твои мысли, но не понимают их смысла.

– Пандора, говоришь? – Я на мгновение задумался. – Да, была такая любопытная особа. Верховный правитель Зевс...

– Вождь? – перебил меня Рэм.

– Ну да, вроде того.

Я разлил остаток красного вина и пригубил глоток. Рэм поспешно поднёс к лицу чарку и, жмурясь от удовольствия, тут же осушил её до дна.

Я проглотил желание осудить брата за несдержанность и продолжил:

– Так вот. Этот Зевс подарил Пандоре красивый ящичек с уговором, что ни в коем случае она не станет открывать его самостоятельно. Но разве можно унять женское любопытство словом! Конечно, Пандора приоткрыла крышку. Она не хотела открывать, она хотела просто посмотреть, что находится в ящичке. Увы, как только образовалась щель и в темноту ящичка брызнул луч солнечного света, наружу из мрачной глубины вырвались все возможные несчастья и беды. Это было ужасно! Пандора в страхе захлопнула крышку, но поздно. На дне ящичка осталась единственная представительница житейского ремесла – недотёпа Надежда...

– Поучительная история, – произнёс Рэм, зевая и с трудом приподнимая отяжелевшие веки. – Будет о чём рассказать братьям по разуму...

Мне вдруг показалось, что этот однодневка-фигляр замахнулся, ни много ни мало, на смысл разумного обустройства Вселенной! И зачем я ему про Пандору стал рассказывать?

Чтобы поскорее закрыть щекотливую тему, я набрал в лёгкие воздух и пробасил:

– Я, Аслонов Ромул Полладьевич, принимаю командование личным составом космической экспедиции на себя. Слушай мой приказ – всем спать!

– Ой-ёй-ёй, напугал даже! – пробурчал Рэм и, как сидел, повалился на ближайший плоский выступ аппаратуры.

Я смотрел на похрапывающего Рэма и припоминал невероятные обстоятельства его появления на свет. Так душа смотрит со стороны на покинутое тело. Что ж, первый день его жизни завершился. «Какой же он смышлёный, этот маленький верзила!» – улыбнулся я.

Никогда не думал, что смогу любить другого человека как себя. Мне всегда эта христианская заповедь казалась надуманной. Однако то, что произошло сегодня, круто изменило моё понимание жизни, сложившееся за тридцать лет земного обустроенного благополучия.

Часть 4. Первый монолог оружия

Утром нас разбудил непонятный шум, похожий на прощальный клёкот стаи умирающих птиц.

– Они плачут, – пояснил Рэм, протирая глаза.

Действительно, многотысячная толпа дикарей, убитая горем, стонала и пролиwała слёзы у подножия трапа. Каждый из них воздевал руки к небу, потом опускал вниз, сжимал ладонями лицо и снова неистово простирал руки вверх. Они что-то выкрикивали, но более всего сокрушённо мычали: «Ы-а, ы-ы...»

– Рэм, почему они плачут?

– Они горюют оттого, что ты пренебрёг их подарками. Тебе следовало их забрать. Это – моя вина. Я должен был вчера сказать тебе об этом.

– Передай, что я принял дары и благодарю их...

Я хотел добавить ещё пару соображений, успокаивающих этот милый и наивный народ, но в этот миг уже знакомая огромная чёрная птица появилась в воздухе над толпой. Она парила, расправив многометровые крылья и вытягивая перед собой когтистые лапы, намереваясь схватить очередную жертву. Я сорвал с аварийного щита лазерный модулятор и выбежал на площадку трапа. На долю секунды мой огненный луч опередил последние приготовления птицы. Как подогретый нож входит в масло, так лазерная нить мгновенно разрежала птицу напополам. Оперение вспыхнуло подобно факелу. Изумлённые дикари отпрянули от горящего чудовища и один за другим попадали ниц, прикрыв лоскутами шкур свои косматые головы. Страх и религиозный трепет объяли стаю. Наступила гробовая тишина, нарушаемая только треском горящего оперения.

Постепенно дикари стали приходить в себя и подниматься, с ужасом поглядывая то на огромный догорающий факел, то на меня.

Решив, что настал подходящий момент для утверждения собственной безопасности, я шепнул Рэму:

– Скажи им, что я буду говорить.

Рэм перевёл мои слова. Дикари опустили головы и приготовились слушать.

– Слушайте все! – начал я. – Сегодня великий день. Я называю этот день «Тхао». Отныне вы не должны бояться большой чёрной птицы! Чёрная птица мертва. Вы и ваша деревня в безопасности. Радуйтесь и веселитесь!

Как только Рэм перевёл мои последние слова, толпа дикарей огласила долину восторженным кликом ликования. Они трясли руками, размахивали шкурами и хватали друг друга за волосы. Я смотрел сверху на эту вакханалию радости и размышлял: «Что общего может быть между планетарными целями землян и этими дикарями, для которых эволюция разума ещё не стала насущной потребностью? Да и станет ли?»

От толпы отделились небольшая группа морщинистых седовласых дикарей, по-видимому старейшин, и уже знакомая мне четвёрка вождей племени. Они подошли к трапу.

– Тебя приглашают в деревню, – сказал Рэм.

– Переведи: я согласен, – коротко ответил я.

Часть 5. Шаман

Окружённые тысячами любопытных глаз, мы с Рэмом вышагивали по дороге, ведущей в деревню. Вскоре показались первые землянки и хижины поселения. Повсюду горели костры. Пожилые женщины с отвислыми грудями жарили на огне еду. Ватаги голых и счастливых малышей носились от одного костра к другому, выпрашивая еду или кости для игр. В центре деревни высилось сооружение из коряг, перевязанных лианами. На возвышении сидел поросший волосами дикарь и мерно постукивал ладонью по круглой пластине из какого-то очень гулкого дерева.

– Это учитель жизни, – шепнул мне на ухо Рэм.

– По-нашему шаман, значит, – усмехнулся я.

Мы подошли к возвышению. Дикари все до единого, даже старейшины, поклонились шаману в пояс. Поклонился и Рэм. Один я остался неподвижен и с интересом разглядывал сущее чудовище, наполовину прикрытое лоскутами разодранной шкуры-власяницы. Шаман зыркнул на меня горящими, как угли, глазами и протянул трясущуюся руку, указывая мне на камни под ногами.

– Он плачет о том, что ты не поклонился, – тихо произнёс Рэм, не поднимая головы, – поклонись, Ромул, тут так принято.

Слова Рэма смутили меня. С какой стати бог в моём лице должен кланяться съехавшему с катушек «учителю жизни»? Я отыскал на груди нательный крестик и демонстративно направил его на шамана. Боже, что тут произошло! Волосатый нетопырь взвизгнул, как поросёнок, и повалился с высоты нагромождённых коряг прямо на уличные камни. Похоже, он крепко приложился головой, так как с минуту лежал замертво. Стая со страхом смотрела на происходящее. Ребятишки попрятались за спины взрослых и притихли. Через минуту шаман открыл маленькие, повитые злобой глазёнки. С помощью двух подбежавших дикарей он кое-как поднялся и, потешно крича, размахивая руками и сплёвывая по сторонам слюну, помчался на дальний конец деревни.

Как только его не стало, я почувствовал странный враждебный холод, который исходил от окружавшей меня толпы дикарей.

– Что-то сейчас будет, – шепнул Рэм, – надо уходить.

Вокруг меня встала четвёрка вождей, к ним примкнули несколько старейшин, а напротив колыхалось море тупых озлобленных глаз, сгорающих от желания отомстить мне за любимую игрушку, которую я только что отнял у них.

Толпа сделала несколько шагов вперёд. Казалось, ещё мгновение и она бросится на нас. Тут я вспомнил об аварийной ракетнице, упакованной в резервный карман правого голенища. Я выхватил сигнальный пистолет и произвёл выстрел вверх. С шумом и свистом ракетная капсула взмыла в воздух и там, совершив хлопок, рассыпалась на множество ярких разноцветных салютинок.

Толпа туземцев снова попадала на землю.

– Надо торопиться, пока они не опомнились! – твёрдо сказал Рэм и направился из деревни. Я поспешил за ним в окружении вождей и старейшин.

Часть 6. Гибель Рэма

Рэм оказался прав. Когда через полчаса мы быстрым шагом подошли к трапу, я обернулся и увидел облако пыли, поднимающееся над долиной. Напряжённый топот многотысячной толпы не оставлял надежды на благополучный исход дела.

Подталкивая медлительного Рэма, я поднялся по трапу и заdraил аварийный люк шлюза. Вожди и старейшины следовать за нами не стали.

Минут через десять толпа окружила капсулу. Все что-то громко кричали и угрожающе размахивали руками.

– Ромул, только что они готовы были носить тебя на руках, а теперь?.. – с печалью в голосе сказал Рэм, поглядывая в иллюминатор.

– Добро и зло рожают философа Рэма, не так ли! – вяло улыбнулся я, порядком устав от всей этой урийской первобытной неразберихи.

Тем временем самые отважные из дикарей стали сносить и складывать под капсулу хвост и сучья поваленных деревьев.

– Они хотят нас поджечь! – воскликнул Рэм. Бессмысленная затея дикарей его напугала.

– Послушай, Рэм. То, что я тебе сейчас скажу, ты всё равно не поймёшь, но почувствуешь и успокоишься.

Корпус капсулы рассчитан на мегаватты лобового соприкосновения с источником тепловой энергии, поэтому низкотемпературная плазма, или, иными словами, пионерский костёр, который вознамерились разжечь твои соплеменники, нам попросту неопасен.

Рэм пожал плечами и послушно выдохнул.

Вдруг поток света в иллюминаторе превратился в чередование серых и чёрных пятен. По небу пронеслись тёмно-фиолетовые тени. Мы с Рэмом прильнули к стеклу и ахнули. Десятки огромных чёрных летающих ящеров кружили над толпой. Уже через несколько секунд один за другим они стали пикировать, выхватывая из толпы жирные куски добычи. Началась паника. Пытаясь укрыться от прожорливых гигантов, дикари давили друг друга и бежали прочь. Отбегавшие из толпы одиночки оказывались наиболее лёгким лакомством крылатых чудовищ. В иллюминатор было видно, как перепуганные старейшины и вожди поднимались по трапу, протягивали к шлюзу руки и молили впустить их. Я заметил, как одна из птиц, сделав резкий разворот, сложила крылья и стрелой понеслась к лестнице.

– Ромул, открой им! – плача воскликнул Рэм.

Я медлил. Во мне вдруг проснулось ветхое чувство обиды за самого себя. «Почему я должен рисковать жизнью ради них?» – мелькнула подлая мысль.

И пока я, гуманист и буревестник разума, трясся за свою шкуру, Рэм бросился к шлюзу. Распахнув люк, он выскочил на верхнюю площадку трапа и стал подавать руку поднимающимся старейшинам. В этот миг в иллюминаторе стало темно. На площадку обрушились, как водопад, крылья и когтистые лапы подлетевшего ящера. Рептилия впиалась острыми когтями в грудь Рэма, приподняла его над площадкой, разбила клювом голову и стала подниматься, оглашая всё вокруг победоносным криком и шелестом своих костистых крыльев.

Несколько секунд я смотрел вслед исчезающему в фиолетовой дымке чёрному силуэту, не понимая, что сейчас произошло. Вдруг меня пробил электрошок. Я схватил лазер и, расталкивая набившихся в рабочий отсек дикарей, выбежал на площадку трапа.

Жертвоприношение было в разгаре. Птицы, растравленные лёгкой добычей, играли с толпой, как кошки с мышами. Они хватали дикарей, подбрасывали их в воздух, отпускали на высоте пяти-шести метров и возвращались за новой добычей. Их огромные страшные клювы работали как молотилки, выкрашивая толпу в фиолетовый цвет урийской крови.

Это возбудило меня ещё больше. Я включил максимальную плотность луча и стал жечь без разбора всё вокруг. Луч модулятора самозабвенно исполнял пляску смерти и, как танец Саломеи, творил свою жестокую расправу. Вспыхивали один за другим ящеры, их будущие жертвы-дикари, женщины и дети дикарей – все оказались в огненном котле моего безумия.

Когда в небе не осталось ни одной летающей тени, я опустил модулятор и огляделся. Взору предстал ужас, совершённый человеком, которому Бог даровал разум и право сильного...

Часть 7. Ещё одна ошибка и...

Старейшины и четвёрка вождей племени, опустив головы, молча прошли мимо меня к трапу и спустились на поверхность родной планеты, выжженной диким, необузданным пришельцем. Они опустились на колени и долго смотрели на догорающее кроваво-фиолетовое месиво. Как стожары на скошенном поле смерти, повсюду торчали обугленные скелеты ящеров. Немногие оставшиеся в живых члены стаи сбились в крохотные группки. Припав на колени, они мерно раскачивались и выли тоскливую песню смерти.

Последний из вождей, проходя мимо меня, задержался и, не поднимая головы, подал глиняную чашу, на дне которой посверкивало несколько фиолетовых капель.

– Ри-э-эм, – произнёс вождь, передавая мне чашу.

– Что «риэм»? – переспросил я.

Он поднял на меня заплаканные глаза. «Ри-э-эм!» – при этом слове вождь взмахнул руками, изображая птицу.

– Рэм?! – воскликнул я.

Вождь утвердительно закивал головой, схватил мою руку и как бы рассёк её своей ладонью. «Ри-э-эм!» – повторил он, затем вновь уронил голову на грудь и поспешил вслед спустившимся по трапу братьям.

Я понял его. Мне предстояло рассечь руку и перемешать свою кровь с каплями крови бедного Рэма, чудом попавшими в эту чашу, и...

Я переводил взгляд то на сгустки крови в чаше, то на страшную панораму смерти вокруг. Энергетический ком нервного припадка дробился внутри меня на фрагменты. Тело тошнило и трясло. Боясь потерять бесценные фиолетовые крохи надежды, я шатаясь вошёл в капсулу и как мог бережно опустил чашу в безопасное место.

Теперь предстояло осознать случившееся и сделать правильный шаг. Я понимал, что ещё одна моя личная ошибка может навсегда погубить главное – идею планеты Урия.

Часть 8. Покаяние

В геном человека Бог заложил массу замечательных качеств. Но среди них есть одно, на мой взгляд, наиболее замечательное. Когда мы попадаем, казалось бы, в безвыходную ситуацию, наш мозг начинает работать на опережение событий и выбирает лучший вариант действия, не гадая о том, как было бы правильнее поступить, исходя из имеющейся информации. Он обладает скрытой способностью к предвидению и разматывает клубок непреодолимых обстоятельств с конца, оглядывая предстоящее действие из будущего как уже совершённое. Это позволяет ему принять единственно правильное решение. Однако удивительная способность нашего генома реализуется при одном обязательном условии: если тончайшую работу ума не парализует сердечный страх перед обстоятельствами.

Я отложил в сторону модулятор, снял скафандр, который не снимал с момента «приземления» на Урию, и переоделся в простой спортивный костюм, предназначенный для отдыха и расслабления. Накинув на плечи любимую кожанку, подарок отца и «всепогодный» талисман в моих передвижениях по Вселенной, я вышел на площадку трапа, прикрыл за собой шлюзовый люк и, стараясь не глядеть на пепелище, быстрым шагом направился в деревню.

На подступах к жилищам меня поразили зловещая тишина и отсутствие жизни. Одиноко горели костры, но ни старух, ни ребятишек рядом не было. Я направился к центру деревни, где возвышалось памятное «лобное место». За моей спиной происходили, будто видения, мимолётные передвижения-перебежки. Но стоило повернуть голову, всё замирало, и зловещая тишина, как разинутая пасть огромного зверя, дышала мне в лицо мерным недобрым дыханием.

Я подошёл к возвышению и по выступам корневищ вскарабкался наверх. На переплетении лиан лежала брошенная шаманом деревянная пластина-бубен. Я поднял её и, сложив ноги по-шамански крест-накрест в положение, напоминающее начальную позу йоги, ударил ладонью в бубен.

Припомнив ритмику и нарастающую силу шаманских ударов, я старался воспроизвести всё в точности. Минут через пять первые наиболее смелые обитатели деревни вынырнули из своих укрытий и приблизились ко мне на безопасное расстояние. За ними следом вышли вожди и старейшины. Их действия ободрили прочих дикарей, и те стали покидать свои укрытия. Короткими пружинистыми перебежками они приближались к возвышению. Струйки детей потекли между ними.

Когда племя, вернее то, что от него осталось, собралось вокруг «лобного места», я отложил бубен и припал головой к корням. Глядя на моё покаянное положение, сначала вожди, за ними старейшины, а вслед и все уцелевшие члены племени попадали на камни и шкурами прикрыли головы.

Минут десять мы стояли на коленях друг перед другом. Затем я встал и воздел руки к небу. Стая в точности повторила моё движение. Я опустил руки и спрыгнул с возвышения. Ко мне подошли вожди и старейшины. Остальные члены стаи встали вокруг немногочисленным, но тесным кольцом. Один из вождей протиснулся сквозь толпу и побегал к ближайшей хижине. Через минуту он вышел из неё с каким-то ожерельем в руке. Ещё раз ловко пробравшись через плотную шеренгу дикарей, он подступил ко мне.

Я разглядел, что ожерелье представляло собой нанизанные на крупный волос животного острые клыки какого-то хищника, возможно чёрной птицы-ящера. Вождь воздел ожерелье вверх и под одобрителный гул толпы торжественно опустил его мне на плечи. Не трудно было догадаться, что это сакральное действие посвящало меня в высшее руководство племени. Толпа ещё раз опустилась на колени и замерла. Я развёл руки в стороны и совершил круг на месте. Толпа мгновенно прочитала мои мысли, стала подниматься с колен и расходиться.

...Примерно через час, смертельно усталый, я вполз по трапу в рабочий отсек капсулы. Подержав на ладони чарку с фиолетовой памяткой о дивном человечке Рэме, я бережно поставил её на место. «Завтра, всё завтра, а сейчас – спать!» Во исполнение собственного распоряжения, не раздеваясь, я повалился на ближайшую горизонталь и мгновенно уснул.

Часть 9. Рэм умер, да здравствует Рэм!

Наступило утро. Молодое урийское солнце цвета спелого лимона протиснулось в небольшой иллюминатор капсулы и зависло на хромированной поверхности приборной доски. Как только я проснулся, оно дрогнуло и выкатилось восвояси. Щурясь вслед, я взглянул в иллюминатор. Четвёрка вождей и несколько молодых дикарей с широкими деревянными подносами стояли под ступенями трапа и терпеливо ждали моего пробуждения. Я открыл люк и вышел на площадку. Аромат раннего утра коснулся меня тонким фиолетовым холодком. При моём появлении вожди склонили головы, а молодые дикари припали на колени. На подносах были разложены всевозможные местные яства. «Однако!» – я спустился по трапу и присел на предпоследнюю ступеньку. Дикари поднесли еду. Выбрав что-то похожее на жареное мясо, я попробовал, оказалось вкусно. Особенно мне понравилась «столовая зелень» фиолетового цвета, типа нашего базилика, но с привкусом рукколы.

Перекусив, я позвал одного из вождей, указал на нетронутые нагромождения еды и жестом обозначил ребёнка. Вождь кивнул головой и распорядился. Еду с подносов переложили в корзины, и молодые дикари, навьюченные поклажей, отправились в деревню. Вожди раскланялись со мной и зашагали им вслед.

Я вернулся в капсулу и взял нож. Предстояло рассечь руку от локтя вниз к ладони и стекающую кровь смешать с кровяными сгустками Рэма. Всего раз мне пришлось заниматься членовредительством. И хотя с того памятного события прошло не более двух недель, рана на руке полностью затянулась. Иногда мне казалось, что никакого чуда не было и Рэм мне попросту приснился. В сомнениях сердца я медлил приступить к задуманному.

Припомнились слова отца: «Если не можешь что-то преодолеть, посчитай дело сделанным и в своих действиях вернись назад, чтобы совершить это дело вновь как уже совершённое».

Я вообразил нового Рэма, точно такого же, каким был мой прежний замечательный брат. Вдруг, подобно разряду молнии, сверкнула мысль: что будет, если я этого не сделаю? В моих руках жизнь и бытие человека, а я трушу, как элементарная дарвиновская тварь!

Скользящим движением я рассёк руку и наклонил рану к чаше. Тёплая красная кровь, как талая зажора, притопила фиолетовые капли запёкшейся крови Рэма, и... наступила пора чуда!

Действительно, содержимое чаши стремительно увеличивалось в объёме и постепенно принимало вещественную форму. Увы, окончания чудесного процесса я не видел. От волнения у меня потемнело в глазах, и я на миг потерял сознание (хорош астронавт!). Но тут кто-то коснулся моего плеча и произнёс: «Здравствуй, брат!» Усилием воли я сбросил обморочное оцепенение и открыл глаза – передо мной стоял совершенно голый Рэм и светился девственной улыбкой счастья!

– Рэм, бродяга, это ты! – воскликнул я, пытаюсь унять волнение сердца.

– Рэм? Почему Рэм?

– Рэм, Рэм, Рэм! Кто же ещё! – щебетало моё сердце, пряча подступившие к глазам слёзы. – Одевайся, дружище, мы снова вместе!

Я достал из каптёрки одежду. Из предложенного разнообразия Рэму пришлось по вкусу тельняшка и лёгкий спортивный костюм.

– Порядок! – Я придирчиво оглядел новорождённого брата. Его ладная пружинистая фигура совершенно походила на мою. Однако были и отличия, придававшие абсолютной копии некий урийский первобытный шарм.

На ваш вопрос: «Урийский первобытный шарм – это как?» – попробую ответить.

Рэм на толику больше, чем я, сутулился в плечах, в его движениях чувствовалась кошачья пружинка охотника, вынужденного подбираться к добыче вплотную. Его нижняя челюсть чуть больше выступала вперёд, как у мудрого удава Каа. Подобная особенность лицевого строения говорила о приоритете чувственной моторики над аналитикой в общении с окружающим миром. Наверняка у погибшего Рэма были те же анатомические особенности, но я воспринимал его как чудо и подобных отличий в наших с ним «визуальных достопримечательностях» не замечал.

Подробный анатомический разбор Рэма № 2 ещё раз подтвердил невесёлую истину: мы быстро привыкаем даже к чудесам и восторг души добровольно обмениваем на скучную аналитику происходящего.

Часть 10. Надежда подлежит восстановлению

Я взялся отремонтировать повреждения капсулы. Меня не оставляла надежда вернуться на безлюдную орбитальную станцию, которая наматывала круг за кругом вокруг Урии и бесцеремонно дразнила меня, посверкивая по ночам в густом сферическом фиолете. Я наблюдал её движение и молился Создателю о благополучном завершении ремонта. Да, я надеялся на интеллектуальную живучесть материнского модуля капсулы, исходя, прежде всего, из моего законного права надеяться на лучшее во что бы то ни стало.

К счастью, в приборном отсеке чуть ли не треть полезной площади была отведена под ЗИП. Помню, на Земле, в Академии астронавтики, как только мы ни шутили над гипертрофированной предусмотрительностью главного конструктора станции, добродушного Адама Петрича. А зря, прав оказался главный, как в воду глядел.

Потянулись долгие кропотливые ремонтные будни. Рэм оказался толковым и рукастым помощником. Через пару дней он уже понимал общую концепцию аппаратного обеспечения и порой указывал мне на то, что я в пылу ремонта упускал из виду.

Дикари каждое утро приносили отменную еду и небольшие, но выполненные от души подарки. Как правило, это были вязанные из соломы зверушки или незатейливые предметы быта.

Ремонт продвигался на удивление споро. Я имел возможность менять целые блоки аппаратуры, не распаивая микросхемы и не выламывая из базовых плат сгоревшие элементы. Главный бортовой компьютер, чудом сохранивший работоспособность после сотрясения, принимал в своё распоряжение всё новые и новые отремонтированные узлы общей аппаратной системы.

Часть 11. Охота

Однажды во время утренней трапезы один из вождей что-то шепнул Рэму, хитро поглядывая в мою сторону.

– Они зовут тебя на охоту. Говорят, в окрестностях деревни объявился огромный бору́. На завтра назначена охота.

Рэм, возбуждённый предчувствием неведомого события, смотрел на меня широко раскрытыми глазами, вымаливая согласие.

– Передай вождю, я приму участие в охоте, – ответил я.

В тот же день вечером вместо традиционного антропологического ликбеза и рассказов о Вселенной темой нашего разговора была охота! Рэм задавал бесчисленное количество вопросов, и, пожалуй, главный из них звучал так: «Какое право мы имеем убивать животное, которое не причинило нам никакого вреда?»

– Понимаешь, Рэм, – ответил я, невольно опуская глаза под напором наивного, не знающего злобы взгляда, – мир устроен так, что в нём выживает сильнейший. Бору́, на которого завтра будет охотиться стая и наверняка убьёт его, ведь тоже охотник. Его жертва – более слабый зверь. Ты сам по утрам принимаешь из рук дикарей куски мяса и ешь их. Они же не выросли на деревьях. Это фрагменты убитых зверей или домашней птицы. И ты не оплакиваешь их смерть, а пользуешься ею.

– Да, это так, и всё же объясни мне, почему моё существо при мысли о завтрашней охоте ликует от радости? Почему будущее убийство вызывает во мне не вздох сожаления, а веселье, как от вина, которое я пробовал из твоих рук?

– Наверное, когда-нибудь человек перестанет радоваться чужой смерти. Поверь, Рэм, это всё, что я знаю.

На следующее утро, ни свет ни заря, меня разбудили крики дикарей и отрывистые звуки, напоминающие голоса детских пищалок. Я поглядел в иллюминатор и увидел охотничье «войско» в полной, явно не потешной амуниции. Дикарей шестьдесят с шипованными дубинами и копьями бродили толпой возле трапа капсулы. Копья имели каменные наконечники, привязанные лоскутами лиан к срезанным и ошкуренным стволам молодых деревьев.

– Н-да, серьёзная сила, – улыбнулся я. – Рэм, вставай! Завтрака, похоже, сегодня не будет.

Моя предупредительность оказалась излишней. Рэм, уже одетый по форме, нетерпеливо ёрзал в углу и ждал моего пробуждения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.